

За 30 лет работы на театральных подмостках Жана-Луи Барро награждали множеством прозвищ: Пума, Черный ангел, Батист, Танцующий философ и, наконец, недавно — Король театра. В сентябре Королю, прославленному французскому актеру и режиссеру, исполняется 75 лет.

В молодости Барро повезло: его учителями были Арто, Декру, Дюллен. Первый — создатель «театра жестокости», второй — легендарный мим, «апостол молчания», третий — мастер актерской импровизации. Пройдя великолепную школу, Барро создал свой театр, свою труппу. В его постановках соединились пение, пантомима, танец, актерская импровизация. Если говорить о его эстетических принципах, то они достаточно вольные. Барро может поставить спектакль и сыграть в нем персонажа, который три часа на сцене проводит в молчании. Сыграть так, что все это время персонаж будет жить напряженной жизнью. Может вместо сцены использовать боксерские ринги. Может с шапито объездить Европу. Сам Барро в определении своей эстетики краток: «Единственный эстетический принцип, которого я твердо придерживаюсь, следующий: я стараюсь ставить то, что хотел бы увидеть как зритель».

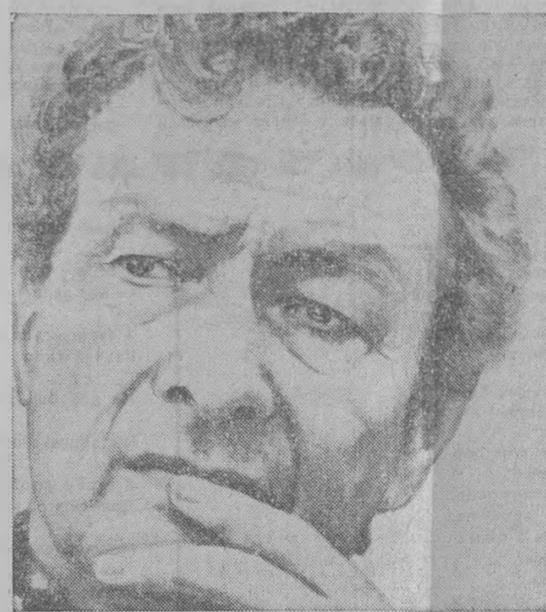
Его труппа — союз актеров-путешественников. Они объездили весь мир, а в самом Париже сменили восемь или девять зданий. Предпоследнее строили сами. Еще один эксперимент Барро, на этот раз в области театральной архитектуры.

В 1972 году Барро устанавливает шапито на парижском железнодорожном вокзале д'Орсэ. Дирекция пересматривает расписание поездов и по-новому распределяет их: так, чтобы

избавить артистов от шумов. В итоге Барро перестраивает вокзал, и здесь возникает настоящий театр. Два зала и кафе для встреч артистов со зрителями. Перестраивая вокзал, Барро сохранил «рельеф местности». Получилось очень необычно и неожиданно. Например, под кафе пошел один из действующих железнодорожных путей. В результате столбики в кафе оказались установленными на разных уровнях: одни выше — на перроне, другие ниже — там, где был железнодорожный путь. Буфетом стала старая кассовая стойка. «Местность» очень располагала к общению.

В этом кафе я встретился с Барро в середине семидесятых годов. Разговор в основном шел о нашем общем ремесле. Помню, меня поразили слова «Мы — ночные люди» и последовавшее объяснение: «После представления, которое у нас заканчивается поздно вечером, мы остаемся ночью со зрителями здесь, в кафе, и общаемся. Репетиции, естественно, начинаем тоже поздно, часа в 3—4 дня. Затем час отдыха и спектакль».

У Барро нет своей школы, своей преподавательской системы. Однако есть спектакль, который он называет своим «личным учением»: «Язык тела». В этом спектакле он играет один, рассказывая и показывая, «вытанцовывая» перед зрителями свою философию. В основе любого театрального представления, по Барро, — драма существования человеческого тела. Тело — самый совершенный в мире «инструмент». Сделать из плеса спектакль — значит сыграть ее на этом «инструменте». Актер должен в совершенстве владеть им. Точно так же, как Станиславский, Барро считает, что театр рождается только

Жан-Луи БАРРО

Вместо предисловия

«Нельзя все время работать. Каждый год нужно возобновить дыхание, перевести дух, набраться сил у огромных живых источников, которые сохраняют вечную свежесть».
Мишле¹, «Библия человечества»

Летом необходимо пропитать свое тело солнцем и восстановиться. Солнце лечит и душу. Вопреки видимости я всегда уделял много внимания тому, что принято называть «каникулами». Еще очень молодым, как только я смог взять жизнь в свои руки, я очень серьезно организовывал это время года, священное для меня. Как бы ни складывались обстоятельства, я всегда предоставлял себе эту передышку. В зависимости от средств я или путешествовал автостопом, или нанимался работником на ферму, или забирался в горное ущелье, или ставил палатку на берегу моря. Мне было нужно четыре недели отпуска. Слово «отпуск» верное и многозначное. В общем, оно значит — свобода, разрешение уехать, разлука, возможность уйти. Берут «отпуск», дают «отпуск» — я беру то, что мне дают. Благодаря отпуску, который сам себе предоставил, можно отступить, выбрать дистанцию и набрать скорость. Весь год живешь. Во время отпуска позволено увидеть себя живущим. Это час подведения итогов, очищения,правки, «перезарядки» и приговления.

Год, который придет, зависит от этого.

Летом все созревает, и мысли тоже. Добрые и злые, горькие и сладкие, они, как плоды, готовы для сбора.

Как возникли эти летние размышления? Каждый год я, веселясь, записываю их, чтобы очиститься, чтобы лучше освободиться от них, перед тем как снова отправиться в путь.

«Любить и попытаться немного понять» — желание, которое захватывает меня постоянно. Я ни на что не претендую, я ничего не могу с ним поделать. Напротив, я извлекаю из него массу удовольствия. Самые неожиданные обстоятельства заставляют меня лето вносить размышления в дневник.

Например, я люблю собак, я вырос среди собак, я сам чувствую себя собакой.

Любя собак, я люблю всех тех, кто их любит.

В другом году один писатель готовил книгу о любви и попросил меня сделать к ней предисловие.

Летом в чащах острова Пор-Кро я послушно и старательно выполнил «задание на каникулы».

Попытаться немного понять любовь?.. Какая наивность! Как говорит герой пьесы Поля Клоделя «Раздел под юбками солнца»:

«Не нужно понимать, бедняга, нужно терять сознание!»

Мы живем среди столько противоборствующих течений, что теряешься и не знаешь, что же думать. Не лучше ли довольствоваться мыслями, идущими из собственного сердца?

В итоге появились летние записи «Только так!».

Страницы, которые я написал, испещрены тем, что обычно называют: прописная истина, общее место, избитая мысль.

Перечитав их, я прекрасно отдаю себе в этом отчет. Это факт. Но могло быть только так. Когда я говорю «только так», я не бью кулаком по столу. Я никому не хочу навязывать свой способ видеть. Я просто констатирую. Обращаюсь к тому, что чувствую, чтобы попытаться понять... хоть немного.

Я отдаюсь вам со всеми «протоками» и сознание в этом. Смогу ли я, несмотря ни на что, отыскать правду? В сущности, только ее я и разыскиваю. В такое смутное время, как наше, добиться правды почти невозможно.

Что такое прописная истина? Избитая и набившая оскомину идея?

Как говорит Литтре², «хлам прошлого»? Истина настолько износившаяся, что больше не проникает в наше сознание? Значит, когда-то в прописной истине жила сила правды и проникновенности. Может быть, мы сами настолько ожесточились, что она на нас больше не действует?

Вылечить, заставить жить прописную истину — значит вернуть свежесть правде, которую она в себе заключает, и возратить восприимчивость и гибкость тому, с кем хочешь ее поделить.

Объявляя, что правда, которую заключает в себе прописная истина, фальшива, можно только после того, как хватило смелости проникнуть в нее, изучить и составить о ней представление.

Когда хочешь вернуться спиной к правде, так легко сказать, что она прописная истина.

Правда прописной истины, брошенная на дороге, перестала быть правдой не потому, что «с тех пор ушли намного дальше».

Одиночество и безмолвие нашей жизни постоянно пронзаются ощущениями всех видов.

Очень часто эти ощущения в момент, когда мы их передаем, изменяются. И говорить о них становится трудно.

Возьмем цветок, который называют розой. Кто из нас в безмолвии своей жизни не испытывал приятное чувство, рассматривая его и вдыхая его запах? Но не дай бог ему сказать об этом! Он становится жеманным, чувственным... Для него будет лучше промолчать.

И тем не менее в безмолвии своей жизни он был красив и

ВОТ КАК Я ДУМАЮ...

действительно взволнован правдой Розы, правдой, ставшей прописной истиной.

На этих страницах мной руководило нечто большее, чем искренность, они — признание.

Признание

Меня интересует абсолютно и полностью только Жизнь, которая была мне дана. Я обязан наполнить ее до краев, как бурдюк; километраж дней, который мне предписан, пройден... на пределе.

На так часто задаваемые вопросы: «Почему я живу? Есть ли у жизни смысл? Что значит жить?» и т. п. — я отвечаю: «У жизни нет другого смысла, кроме собственной полноты. В этом Долг. Говорят: лес «работает», долг человека «работать», осуществлять свою жизнь».

Ответственный

*Мир дороже жизни,
Жизнь дороже человека,
Уважение к другим дороже любви к себе.
Клод Леви-Строс³*

Перед тем, как мы пойдем дальше, другое заключение ученых, другая «прописная истина» — человек не центр Вселенной. Он животное среди других животных, но животное странное. Странно из-за двух тайн, о которых речь впереди: тайны сознания и тайны языка.

Будучи вначале намного менее, чем другие животные, вооруженным для обеспечения своей безопасности, для того, чтобы выжить самому и сохранить свой род, он был вынужден хвататься за любую возможность получить над ними превосходство. И вот он стал сильнее всех в мире, сильнее зверей, растений, микробов.

Решительное превосходство по логике вещей должно было сделать его Ответственным за Планету. Тогда как он возмнил себя Собственнымником. В этом его ошибка, и если это будет продолжаться, ошибка станет фатальной для всех нас.

Мир существовал до человека.

Жизнь существовала до человека: микробы, растения, животные. До человека животные сохраняли свой род, следуя во всем закону необходимости, который выражал себя в ритуалах и церемониях. Еще до человека существовала настоящая цивилизация. Животные знали уважение, иерархию, знали узы, нежность, любовь к себе и любовь к другим.

Человек, вначале животное, полностью объективное перед тем, как стать животным-индивидуальностью, последний малыш в семье.

Сегодня человек ведет себя, как кукушонок в гнезде. Как хам.

Сегодня человек, если он хочет обеспечить сохранность своего рода и всех тех, кто живет на планете, должен перестроиться, и в первую очередь не считать себя ни центром Вселенной, ни Собственнымником. Он — Ответственный. Вместо этого он возмнил, что уполномочен поработить землю.

Мягко говоря, нам пора шевелить мозгами.

О выгоде

«Прибыль, выигрыш, преимущество». Это вообще-то вещь достойная, а применение ее дурное.

Человек не только пытается выгадать за счет других, в пути он потерял изначальный смысл выгоды.

Смысл ее прост: как можно выгодней использовать одно, для того чтобы достичь другого. Я использую отпуск, чтобы отдохнуть. Солнце — чтобы набраться энергии. Работу — чтобы зарабатывать на жизнь, есть, иметь кров и одеваться по вкусу. Воображение — чтобы попытаться понять. Молитву — чтобы сосредоточиться. Желание — чтобы познать радость. Вино — чтобы облегчить жажду. Хлеб — чтобы утолить голод.

Человек Выгоды останавливается на полпути. Он получает удовольствие от одного накопления преимуществ. Он болен. Ему не хватает собственной «территории». Он хочет большую. Как можно большую и на самых выгодных условиях. Он не может остановиться, как наркоман. Его трясет от одного вида чужих территорий. Он уже не знает, что делать со своим добром и со своими преимуществами. В своем накопительстве он безумен. Оно бьет ему в голову. Он надрыдается. Невозможно: он выгадывает. Что? Он сам не знает. Не хочет знать. Он перешел на другую сторону. Сторону смерти, сторону преступления. Как алкоголик. Как наркоман. Пить — хорошо. Веселит. А затем наступает полное отупение. Обкуриваться, наверное, тоже очень приятно. Помогает путешествовать в забытые и в забытую. А затем уже некуда деться. Так же и с Выгодой. Это порок, который заразил все. Власть, потребление, требованья. Конечная цель потеряна. Порок — это болезнь,

которая вертится вокруг самой себя.

*Я выгадываю, чтобы выгадывать,
Я властвую, чтобы властвовать,
Я потребляю, чтобы потреблять,
Я требую, чтобы требовать.*

Но для чего! Неважно: чтобы властвовать, требовать, потреблять, выгадывать. Но с какой целью?

Не знаю. Я требую, я потребляю, я властвую, я выгадываю. Но это значит лишиться всего остального! Чего? Жизни, ответственности, счастья, дела, справедливости.

При наличии нескольких колец населения, окружающих город, при росте индустриальных районов, при увеличении числа жителей средних городов людям театра необходимо путешествовать.

Если мы счастливы, когда люди приходят к нам, то почему бы и нам не пойти на встречу с ними?

Вот почему мы любим жизнь «под шапито».

В первый раз в виде опыта мы поставили шапито в 1969 году в Риме, куда привезли спектакль «Рабле». Наш шатер стоял в садах Виллы Медичи, которые возвышаются над Римом и смотрят на Ватикан.

Рабле совершил четвертое путешествие (при жизни у него их было три) и смог совершенно откровенно высказываться перед папой Римским! Первый опыт был удачным.

В прошлом году мы продолжили его, ухватившись за случай, предоставивший нам во время Дней памяти Клоделя, проходивших в замке Бранг, в Изере.

В Риме мы играли под сводами шапито знаменитых итальянцев Медичи. В Бранге — в шапито одной из самых старых цирковых семей, Фанни. Еще один удачный опыт. Удачный настолько, что начиная с октября 1972 года наши друзья Фанни благодаря любезности и понятию профсоюзной Ко-меди Франсез помогают нам установить шапито на вокзале д'Орсэ.

В течение более чем трех месяцев, несмотря на шатающиеся крепления, неудобные скамейки и зимний холод, публики и актеры набивали шатер, ставший слишком маленьким. Наша Компания — семья кочевников. Оставаясь свободными для любых изменений в будущем, мы полностью обратились в новую веру...

Однажды я захотел отдать себе отчет в том, какой ущерб мы наносим местности своим появлением. Мы расстались с Берлином и направились в Бонн, точнее — в Бад Годесберг. Караван покидал Берлин под ночным покровом. Артистическая часть труппы уже переправилась самолетом и разместились в прекрасных гостиницах. В одной из них на следующий день я лихорадочно ждал прибытия грузовиков...

Примерно в девять часов вечера я решил пойти на разведку. Пересек красивый городской сад Бад Годесберга и отыскал предназначенную нам площадку: превосходная ровная поверхность, покрытая мягкой красной смесью. Необычайно тихое место. Площадка пуста.

Нихого. Я вернулся обратно на ужин. Около 11 часов вечера, решив не сопротивляться желанию вновь оказаться там, я проник на площадку как раз к приезду грузовиков. Грузовики, машины и фургоны налетели, как стая молодых куропадок, преодолев 700—800 км, пройдя через три границы и... потеряв в пути машину, которая была нашей билетной кассой! Я приготовился встретить их с нежностью, показать им, что, находясь здесь, я думал о них и ни на минуту не покидал их, но шоферы были настолько уставшими, что, едва поздоровавшись, неэвасмысленно выразили свое желание, чтобы я оставил их в покое. «Спасибо, спасибо, меде Жан-Луи, дайте нам отоспаться, мы вымотались». Ничто нельзя так уважать, как сон человека после работы.

Затем было два фантастических вечера в окружении крайне восприимчивой публики. И вот шапито должен покинуть Бонн для переезда в Эссен.

Утром любопытство толкнуло меня вернуться в последний раз на площадку из красной земли. Какой же след мы оставляем? Ведь, помимо легенд, хоть что-то должно оставаться!

Я вернулся и увидел следующее: нечто напоминающее отпечатки птичьих лап и большой круг, начерченный тоненькой ручкой в центре круга. Перед глазами снова возникает шапито Жана Винара, играющего музыку Онеггера. Стая ретлик кружит вокруг меня.

Снова появляется публики. Снова вокруг меня происходит встреча незнакомых людей. Возникшая из нас дружба. По-

через игру актера. Воссоздание «жизни человеческого духа» начинается с воссоздания жизни человеческого тела.

Что ж, очень в духе Барро: создать из своей «школы», которая переключается с методом физических действий Станиславского, действии драматическое. Спектакль «Язык тела» в некотором смысле итог пятидесяти лет исследования актерской техники. Думаю, что если бы наше ВТО пригласило Барро с этим спектаклем к себе в гости, мы многому смогли бы у него научиться. Во всем, что касается пластики, искусства телодвижений, знания Барро уникальны.

Советские зрители оценят их дважды: в 1962 и в 1976 годах театр Барро гастролничал в нашей стране.

Кроме того, на русский язык переведены его книги «Размышления о театре» и «Воспоминания для будущего».

Сегодня «Литературная газета» знакомит своих читателей с отрывками из новой книги Барро «Я думаю, это так», в которой он рассказывает не только о театре, но и о своих общественных, гражданских, гуманистических позициях.

Я очень рад, что могу со страниц газеты вместе со всеми деятелями и побителями театра поздравить одного из выдающихся людей французской культуры Жана-Луи Барро с юбилеем.

И последнее. Недавно я узнал, что Барро был вынужден покинуть вокзал д'Орсэ. В который раз он «оказался на улице». После долгих поисков новое место найдено — Ледовый дворец в центре Парижа. Еще одна пристань Короля-бродяги.

Олег ЕФРЕМОВ,
народный артист СССР

нимание... и, кажется, искренне! Вся эта воссозданная жизнь течет и длится вокруг меня, как эхо. Я стоял неподвижно минут десять — пятнадцать во власти «страдания от счастья жить».

Никогда, может быть, в мое сознание не проникла так явная поэзия моего ремесла.

До прихода каравана не было ничего. В течение трех дней было все: Жизнь, Смерть и Любовь. Мы уезжаем — и что остается? Следы птичьих лап и ослабевающее мерцание круга.

Это и есть наша жизнь под шапито.

Ремесло

«Простите их, Святой Отец! Эти люди — мужеланы, они знают только свое ремесло!» (Епископ обратился к Юлию II во время, как Микеланджело расписывал Сикстинскую Капеллу)

При помощи театра человек борется с одиночеством и тоской.

Чувство одиночества возникает из-за присутствия других. Чувство тоски возникает из-за осознания смерти.

Первый конфликт: индивидуум и общество.

Театр — искусство жизни. Искусство мимолетности.

Впереди — неизвестность, в настоящем — все, от прошлого остается одна легенда. Как и от нас, от нашей жизни. Театр ускользает от истории. Это искусство, отзывчивое, как совесть. Искусство сознания. Искусство рискованное, как жизнь канатоходца.

Наука о потерянном равновесии. Высшая цель — справедливость, то есть восстановление равновесия, правды. Полнокровности жизни.

Так как цель театра — здоровье, он умерщвляет себя болезнями. Так как он мечтает о справедливости, его страстно тянет к преступлению; так как он рвется к счастью, он завязает в тоске, и, наконец, так как в нем больше всего жизни, он постоянно играет со смертью. Он свят тем, что проклят церковью. Театр — очищение жизни темными силами.

Он одновременно в жизни и вне ее. Театр — самое яркое выражение раздвоенности человеческого существа. Он — искусство Двойника.

Дидро был поражен этим «парадоксом». Но никакого парадокса нет. Зритель раздвоен так же, как и актер. Оба естественно участвуют в сговоре, они сообщники, зеркала, играющие друг с другом. Обман нет, есть воображение, воображение настолько яркое, что оно, подобно реальности, само становится реальностью... Любовь к жизни, Любовь к телу — иначе говоря, уважение, любовь к себе и особенно к Другим толкнули меня однажды

ды согласиться на ремесло, которое создает в пространстве средствами человеческого тела жизнь, схваченную в настоящем, то есть в движении, обмене, ритме и... мимолетности.

Театр не просто поэтическое ремесло: он — сама жизнь. Кроме того, он — наука: наука о поведении живых существ. Наверно, отсюда моя склонность к биологии, хотя я невежда на этот счет. Все, что есть живого, непосредственно касается театра. В изучении живых существ он объективен, в их осмыслении — субъективен. И, наконец, в тишине, в которую он погружается, театр становится таинством. Он рационален и иррационален, как жизнь. Он одновременно аналитичен и религиозен. Он может быть в одно и то же мгновение полон смысла и абсурден. Он всегда как жизнь. Вот почему театр, как и жизнь, постоянно в опасности.

Так как он более других искусств подобен жизни, он — искусство наиболее неустойчивое и беззащитное.

Ничего удивительного, если театр постоянно кем-нибудь захвачен и искажен.

То его присваивают себе писатели — и он становится младшей ветвью литературы; то художники превращают его в визуальное искусство — и сцена становится выставкой движущихся картин; то решают, что глагол и голос прежде всего звуки — и «Да здравствует музыкальный театр!» (как будто театр по самой природе своей не музыкален!).

Вмешиваются архитекторы, которые закрепощают в мрамор или самый современный материал искусство, по существу своему подвижное и изменчивое. Театру остается только сбегать на улицу... где его ждут «интеллектуалы»...

Человек театра — не артист, не борец, не клоун, не бог, не сатана, в его сердце преломляется свет всех этих существ. Он околдовывает и раздражает. Он сразу Все и Ничто.

В старости Нинон де Ланкло⁴, посмотрев в свое зеркальце, сказала ему: «Ты лжешь!» Вот когда говорят, что театр — лжец, значит, он отсылает человеку его же образ. Прослышавшая не всегда приятно.

Чтобы высучить этот «милый подарок», театру действительно нужно умение околдовывать, притягивать к себе своим смехом или возбужденностью. Иначе зрители не признают за ним правду зеркала! Верность отражения.

Перевод с французского Игоря ЯКИМЕНКО

¹ Мишле Жюль (1798—1874) — французский историк.

² Литтре Эмиль (1801—1881) — автор знаменитого Словаря французского языка.

³ Леви-Строс Клод (род. в 1908) — французский этнограф.

⁴ Нинон де Ланкло (1620—1705) — французская кутиряница, прославившаяся своей красотой и образованностью.